

Т.В. Смирнова *

Краевед М.И. Смирнов (1868–1949)

Одним из известных провинциальных краеведов в 1920-х годах был Михаил Иванович Смирнов (1868–1949). Он родился в семье священника села Большая Брембола Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии. «... В течение, по крайней мере, двухсот лет мои предки были грамотные книжные люди, что уже само по себе было благородной предпосылкой для моей судьбы. Несомненно, что и мне предстояло быть грамотным, в то время как большинство моих сверстников из крестьян с. Б. Бремболы должны были остаться неграмотными в силу противоположной

---

* *Татьяна Васильевна Смирнова* — старший научный сотрудник Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника. smirnowatw@mail.ru

семейной их традиции», — писал он в тетрадях воспоминаний (Смирнов, б. г. С. 5).

Интерес к истории у него, как и у его братьев Сергея и Василия, по мнению М.И. Смирнова, зародился от отца. Тот очень любил книги, особенно религиозные и исторические, занимался историей села, и подолгу вёл разговоры со «странниками», к которым прислушивались дети.

Подготовленный дома матерью, потом дядей, Смирнов поступил в Переславское духовное училище, а по окончании — в Вифанскую духовную семинарию. В семинарии, кроме занятий общеобразовательными и специальными предметами, он ещё много читал классической и современной литературы, книг по истории, психологии и др. Заинтересовался славянофильской литературой: особенно трогала любовь К.С. Аксакова к Москве. «Это укрепило и усилило мою любовь к родному краю», — писал Смирнов (Там же. С. 13).

Нелепое происшествие помешало ему продолжить обучение. На шестом курсе семинаристы возмутились тем, что в супе им несколько дней попадались черви, и не пошли на обед. В результате некоторых исключили, а другие, в том числе Смирнов, получили от ректора семинарии отрицательные характеристики. Из-за этого он не был принят в Московскую духовную академию, хотя и выдержал экзамены успешно. Этот случай повлиял на всю его последующую жизнь. Пришлось начать служить: сначала учителем в церковно-приходской, потом в земской школе, затем в образцовой школе при Вифанской семинарии, где к тому времени переменилось начальство. Все это время Смирнов занимался самообразованием. Первой его печатной работой стала статья об уроженцах Владимирской губернии, обучавшихся в Вифанской семинарии, написанная по архивным материалам (Смирнов, 1900. № 21. С. 716–725; № 22. С. 762–768; № 23. С. 803–813; № 24. С. 850–858).

Желание повидать мир и необходимость увеличить помощь семье побудили Смирнова оставить педагогическую деятельность, длившуюся семь

лет. Он переехал в Киев и поступил на службу в акцизное управление. Служба была чисто канцелярская, томительная и нудная. Но именно в Киеве Смирнов нашёл своё счастье, женившись в 1902 году на княжне Наталье Викторовне Мещерской, которая служила счетоводом в том же акцизном управлении. Смирнов увлёкся собиранием материалов по истории и родословию Мещерских. Но жизнь в Бердичеве, куда Смирнов был переведён по службе, становилась всё неприятней. Не оставляла тоска по родному краю. Хотелось вернуться в Россию. Такая возможность представилась в 1905 году. Смирнов перевёлся в Нижний Новгород,

В Нижнем Смирнов прожил десять лет. Хотя служба отнимала много времени и сил, но оставались вечерние часы. Он окончил исследование о роде Мещерских и опубликовал отрывок из него в Московском генеалогическом журнале. Затем он написал статью о своём родном селе, используя материалы из Московского архива министерства юстиции (Смирнов, 1908 а. С. 1–109). В результате в 1908 году Владимирская учёная комиссия избрала его своим действительным членом. Далее им был напечатан ещё ряд работ в «Трудах» комиссии. А книгу «Переславль-Залесский, его прошлое и настоящее» Смирнов издал на свои деньги (Смирнов, 1908. С. 1–14; 1911а. С. 1–66; 1911 б). В своих изысканиях он использовал архив и библиотеку Нижегородской учёной архивной комиссии.

Вскоре было открыто Нижегородское отделение московского Археологического института. Исполнилось давнее желание Смирнова систематизировать свои знания, полученные самообразованием. И на 44-м году жизни он стал слушателем института. Через три года окончил институт с золотой медалью, получив звание учёного археографа.

В связи с началом Первой мировой войны Смирнов перешёл на службу в Удельное ведомство. Хорошее жалование на новом месте позволило нанять помощницу, которая снимала в Министерстве юстиции копии с нужных ему

актов и грамот, касавшихся Переславского края. А сам он занимался обработкой этих материалов.

Февральскую революцию Смирнов радостно приветствовал. Но вскоре увидел, что имущество Удельного ведомства, объявленное государственным, расхищается крестьянами. Леса ими вырубаются. «Видя, что бороться бесполезно, а равнодушно переносить расхищение, хотя бы и революционное, преступно, я стал думать о перемене места и рода службы», — писал он (Смирнов, б. г. С. 29). И решил всей семьёй возвращаться на родину, в Переславль. Он оказался там через несколько дней после Октябрьского переворота. И первой его должностью стала должность начальника милиции — единственная бывшая в то время свободной. Прослужил он всего пять месяцев и уволился. А вскоре нашлась и новая работа: создать в Переславле «на чистом поле», как он выразился, библиотеку и музей.

Воспоминания об этом периоде написаны им в 1924 году (Там же. С. 33–66)¹. Начал он с библиотеки. К весне 1918 г. в городе находилось большое количество книг из двух разгромленных имений: Журавлёвых и князей Гагариных. Занимался Смирнов этой работой бесплатно. Датой, с которой началась его деятельность по организации музея, он считал 2 июня 1918 г. Надо заметить, что никто ему такой работы не поручал. Служил он в то время в лесном отделе местного исполкома. Будучи по службе во Владимире, узнал, что по вопросу создания музея следует обратиться в Москву, во Всероссийскую коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, что вскоре и сделал.

Смирнов, видимо, не представлял музея без картинной галереи. Потому и попросил, прежде всего, отдать в будущий музей собрание купца И.П. Свешникова, московского коллекционера, переславца по происхождению, которое тот ранее завещал государству. Однако не нашёл понимания у члена

---

¹ Далее факты излагаются по этому источнику без указания страниц. Тот же принцип используется нами во всей статье.

Коллегии по делам музеев Н.Г. Машковцева. Но настойчивости Смирнову было не занимать. В октябре 1918 г. он снова отправился в Москву. Правда, денег и вещей не получил и в этот раз, но зато выдали мандат Коллегии, поручавшей ему устройство музея в Переславле. Это было уже неплохо: мандат дал возможность получить помещение для музея в одном из завещанных городу особняков (доктора Шилля). Туда и поместил Смирнов первые экспонаты, вывезенные им из села Семейдяйки — имения Журавлёвых, самого богатого имения уезда. К этому времени оно было уже разгромлено, вещи в основном раскрадены. Однако Смирнову удалось найти кое-что в амбаре: гравюры, акварели, картины, саксонский фарфор, несколько предметов мебели красного дерева, книги и др. На чердаке и на полу в комнатах валялось большое количество бумаг: письма, дела Народного ополчения 1854–1855 гг. и пр.

Неожиданно он нашёл понимание и в Коллегии. В город приехала по каким-то делам представитель Владимирского губисполкома художница Н.И. Островская. Она заинтересовалась музеем и посоветовала Смирнову обратиться непосредственно к Наталье Ивановне Троцкой, сославшись на неё. Он так и поступил — и получил три тысячи рублей и картины, которых добивался раньше. Несмотря на недовольство Машковцева, полотна из кладовой Румянцевского музея были извлечены. Смирнов нанял подводы и привёз их в Переславль. В основном это были картины передвижников, но был и «Опасный урок» Г.И. Семирадского — блестящего представителя салонного академизма — работа, достойно представившая Переславский музей на выставке произведений этого направления в Третьяковской галерее в 2005 г.

В дальнейшем пополнение музейных коллекций шло путём вывоза вещей из закрываемых монастырей и из имений. Но перевод музея в новое помещение, где он находится и по сию пору, был непосредственно связан с коллекцией Свешникова. Когда попытались развесить картины (а их было 45), выяснилось, что разместить какие-то ещё отделы просто нет места. И тогда

Смирнов стал добиваться нового помещения. Его взор обратился на здания Горицкого монастыря, упразднённого еще в давние времена. Подходящим было здание духовного училища на территории монастыря. Однако его занимала советская школа, и учителя протестовали против выселения. Тем не менее, Смирнову удалось заручиться постановлением исполкома о передаче монастырских зданий музею. Получил музей и значительную территорию, на которой позже Смирнов развёл сад. Желая закрепить решение вопроса о размещении музея, он поехал в Москву и привёз бумагу, приветствовавшую постановление исполкома. Получил Смирнов и ещё один мандат (от 6 февраля 1919 г.), в котором говорилось, что он является представителем Всероссийской коллегии в деле охраны памятников искусства и старины по Переславскому и Александровскому уездам Владимирской губернии. И что ему предоставляется право перевозки художественных и исторических предметов из имений, церквей и монастырей в Переславский музей «на предмет хранения». А все имения в уезде к началу 1919 г. находились в ведении волостных земельных отделов. Охраны не было, так что повсеместно происходили кражи. Надо было спешно спасать и вывозить ценности.

Смирнов заранее подал во Всероссийскую коллегию смету расходов на следующий год и с января 1919 г. начал получать средства на создание музея и его надобности. Это позволило ему оставить службу в лесном отделе и полностью отдаться созданию музея. Вместе с ним перешёл в музей и В.Е. Елховский, студент второго курса Московского университета, уроженец Переславля, также служивший в то время в лесном отделе.

Музей был открыт 28 мая 1919 г. В размещении экспонатов помогали известные художники Д.Н. и О.Л. Кардовские, жившие тогда в Переславле. В восьми залах были размещены картины из собрания Свешникова, художественно-бытовой отдел (быт помещиков) и отдел родиноведения (география, естественная история и пр.). Кроме того при музее начали

функционировать библиотека и исторический архив, составленный из грамот и других документов как монастырей, так и переславских помещиков.

Далее стояла задача обследовать национализированные помещичьи усадьбы и изымать вещи музейного характера. Этим и занялся Смирнов. Ездил по имениям с В.Е. Елховским или с Г.П. Альбицким, возглавлявшим отдел внешкольного образования в Переславле. Одной из наиболее уцелевших и богатых ценными вещами оказалась усадьба Бектышево, принадлежавшая с XVII в. Самсоновым. Так как последний владелец сдавал её в аренду Северной железной дороге, устроившей там молочное хозяйство, пришлось согласовывать вопрос и со Всероссийской коллегией, и с переславскими властями. Но железная дорога хотела устроить в Бектышево школьную колонию. И, несмотря на поддержку Коллегии, переславский исполком встал на сторону железнодорожников. Смирнову не удалось своевременно вывезти тысячи вещей, представлявших интерес для музея. Только через несколько месяцев, когда школьная колония покинула усадьбу, он смог осуществить изъятие. Но уже многие предметы оказались попорченными.

Смирнов вывез на санях «остатки сильно потрепанного революцией» архива из усадьбы Нарышкиных Загорья. Дом сгорел уже через месяц. Опоздай он, сгорел бы и архив вместе с домом. В Трёхселище, бывшем имении Тихменёвых, перешедшем незадолго перед революцией Р.Б. Ливенсону, принявшему во время Первой мировой войны фамилию Леонтьев, Смирнов хотел взять один из портретов — дамы в седом парике. Новый владелец не отдал, утверждая, что это портрет его сестры. Смирнов замечает, что тот не понимал, насколько опасно было в то время иметь таких родственников. Приехав в Трёхселище ещё несколько раз, он перевёз в музей статую Николы Можайского в серебряном одеянии и часть шитых картин. Остальное он надеялся сохранить как «показательный культурный уголок». «Так оно и было некоторое время», — замечает Смирнов в своих воспоминаниях. Хочется

добавить: именно некоторое время. Впрочем, по-видимому, далеко не всё сохранилось в дальнейшем и в самом музее.

В усадьбу князей Гагаринских Новосёлки, где ещё ютилась в уголке флигеля старуха-княгиня с двумя дочерьми, уже въезжали члены трудовой коммуны «Молот». Смирнов с Елховским успели спешно вывезти оттуда мебель карельской берёзы, библиотеку и пр. Летом 1920 г. были обследованы усадьба в Дубровицах, деревня Охотино с усадьбой Ф.И. Шаляпина и художника К.А. Коровина и другие, а также несколько церквей.

Занимался музей и имуществом монастырей. Первые вещи поступили ещё в 1918 г., когда ЧК нашла спрятанные игуменьей Сольбинского монастыря серебряные сосуды и пр. Тогда Смирнов с помощью одного из сотрудников Всероссийской коллегии, приехавшего в Переславль, получил эти вещи из ЧК. В 1920 г. он обследовал переславские монастыри, обращая главное внимание на «небогоугодные», по его выражению вещи, на библиотеки и архивы. В музей поступили иконы XV–XVII вв., старинное шитьё, ткани, книги, архивные материалы.

Зимой 1920 г. земельный отдел передал в Переславский музей усадьбу «Ботик» вместе с Петровским музеем, основанным в 1803 г., и прилегающим участком. Так как «революционный угар», как писал Смирнов, угрожал сохранности вещей в усадьбе, то часть наиболее ценных и мелких пришлось вывезти в музей. А ещё ему приходилось постоянно бороться с властями: то хотели сбить двуглавого орла с памятника Петру на «Ботике», то занять под казармы постройки XVI и XVII вв.

В 1919 г. он потратил часть средств на покупку фотографических принадлежностей, а летом пригласил двух фотографов-любителей для съёмки памятников архитектуры. И в 1920-м в музее была устроена фотовыставка старой переславской архитектуры. Тогда же были открыты отделы оружия, икон, и выставка репродукций картин Третьяковской галереи.

Смирнов не подозревал, что его деятельностью крайне недоволен Владимирский отдел по охране памятников искусства и старины. Даже не знал о существовании такого отдела. А заведующему этим отделом А.И. Иванову не нравилось, что Переславский музей действует самостоятельно, и что Смирнов выпустил воззвание с призывом беречь памятники искусства и старины, а также провёл через местный исполком об этом постановление. Выяснились эти претензии летом 1920 г., когда во Владимире состоялся музейный съезд.

Выступление Смирнова на съезде о том, что уездные музеи должны быть краеведческими и памятники старины следует представлять вместе с экономическими и природными особенностями края, руководство отдела сочло ересью. Видимо, это не соответствовало установкам Всероссийской коллегии. Но большинство участников съезда его поддержало.

1920 год был богат посетителями из Москвы. Комиссия Главмузея занималась описанием древностей Переславля. На «Ботике» Смирнов устроил экспедицию профессора Д.А. Ласточкина, занимавшуюся планктоном Плещеева озера. Поселилась там и экспедиция физиков по изучению звука. Бывали и другие учёные разных ведомств.

Когда в 1922 г. началась кампания изъятия церковных ценностей для помощи голодающим, Главмузей назначил Смирнова экспертом и членом Комиссии по отбору церковных ценностей в Переславском уезде. (По инструкции Главмузея не подлежали изъятию ценности, созданные до 1725 года). А в 1923 г. в Переславле прошла кампания по закрытию монастырей. Смирнову вместе с Елховским пришлось перевозить в музей остававшиеся в них ценности. После долгих переговоров музею были переданы с землёй и строениями переславские монастыри: Горицкий, Троице-Данилов и Фёдоровский. На это имущество претендовали и некоторые другие организации, в связи с чем Смирнову, по его признанию, пришлось пережить немало тяжёлых минут.

Но эта кампания позволила устроить в музее новый отдел: отдел церковных древностей. А так как тогда музей получил из Данилова монастыря лошадь, то удалось привезти из закрытых монастырей шкафы и т.п., которые были превращены в витрины. (Лошадь власти скоро отобрали, и даже Главмузей не смог добиться её возвращения). Три месяца Смирнов работал, не покладая рук. И расположил в «серебряном» зале предметы из серебра, начиная с XII века; в другом помещении развесил иконы, выставил шитье XVII века, резьбу по дереву и камню, а три витрины занял историей письменности с XVI по XIX век. Таким образом, в музее стало 15 открытых для посетителей залов.

Надо заметить, что вся работа Смирнова протекала в постоянной борьбе с властями разного уровня. В 1924 г. коллектив музея пополнился сотрудником, с сыгравшим немалую роль в дальнейшей судьбе Смирнова. Речь идёт о Сергее Сергеевиче Геммельмане. Смирнов писал о нём так: «Любопытный это человек. По образованию межевик, в юности поэт, потом публицист, купец (торговал шорным товаром, потом мануфактурой), энтомолог и коллекционер. Со своей торговлей прогорел и снова попал в полосу бедности. Сидит без работы» (Смирнов, 1924). Когда в начале 1925 г. Смирнов принял его музей, то тут же получил из уездного отдела народного образования бумагу с протестом по поводу принятия на работу бывшего торговца и угрозой в связи с этим увольнения самого Смирнова как заведующего. Объяснения Смирнова не были приняты, и ему пришлось ехать в Москву, в Главмузей, чтобы добиться согласия на приём Геммельмана. Но и после того, как в Переславль приехал сотрудник Главмузея и решил этот вопрос положительно, борьба не была окончена. Геммельмана не приняли в профсоюз, как человека, лишённого избирательных прав, а Смирнову снова грозили увольнением. Когда он находился на 2-й Всесоюзной конференции краеведов, у него дома даже был произведён обыск. В дальнейшем именно доносы Геммельмана, как считал Смирнов, сыграли немалую роль в его аресте.

Занимался он в эти годы и археологическими разведками. Так, в августе 1924 проехал на лодке по реке Вексе и открыл на первой же остановке неолитическую стоянку в урочище «Польцо». Это была песчаная возвышенность, незаливаемая вешними водами, где оказался богатый подъёмный материал. Потом проехал на лодке до села Святово и нашёл две стоянки на берегу Сомина озера: одну на «Торговище», другую на островке при речке Бароновской. Кроме того, обследовал два городища: в деревне Григорово при впадении Шусты в реку Кубрю и в деревне Туколенки на реке Мечке.

Наряду с археологическими задачами Смирнов в этих поездках изучал древние обряды: коляду, овсей, масленицу, а также обследовал церкви, регистрируя наполнявшие их предметы, имеющие историко-художественное значение.

В конце лета 1924 г. он совершил пешую экскурсию на Ватутинское озеро. Вместе со спутником обошёл его кругом. В разных местах в воде были найдены керамика и кремнёвые орудия неолитического времени. Сама стоянка обнаружена на северном берегу близ села Романова, на песчаном бугорке берега. А в воде был найден большой кремнёвый топор. Из этих находок Смирнов скомпоновал особую витрину в археологическом отделе музея. Тогда же он составил и археологическую карту уезда. В результате, как он писал, стало видно, что курганы кривичей находятся исключительно в хлебородной опольской стороне уезда.

На следующий год Смирнов снова организовал экспедицию на лодках. В ней участвовал научный сотрудник музея С.С. Геммельман, писатель М.М. Пришвин, приехавший в том году в Переславль, трое юных краеведов и хозяин лодки Константин Павлович Никольский, женатый на сестре М.И. Смирнова. Последний был выведен Пришвиным в карикатурном виде под именем попа Филимона в очерке «Родники Берендея» (Пришвин, 1925. С. 69–86). Эту поездку Смирнов описал в очерке «По забытым путям Залесья» (Смирнов, 1926 а. С. 35–72). В июле того же года в Переславль проездом из Костромы на три

дня приехал знаменитый археолог, член Академии истории материальной культуры Александр Андреевич Спицын. С ним Смирнов съездил на лодке на неолитические стоянки Вексы и Сомина озера, обнаруженные в прошлом году. Пригласил и Пришвина с сыновьями. Спицын подтвердил датировку стоянок, данную Смирновым, и дал указания по их раскопкам. Во время этой экскурсии были обследованы близ деревни Хмельники курган и груды камней. Несмотря на то, что находок практически не было, Смирнов был доволен: он увидел приёмы работы одного из лучших археологов страны. А в августе 1925 г. Смирнов уже сам вскрыл три кургана у деревни Киучер в урочище «Грачки».

1925 год был годом нескольких важных событий в жизни Смирнова и его семьи. Его жена получила известие о большом американском наследстве. В 1850-х годах скончался её дальний родственник и оставил после себя 16 миллионов долларов. Сумма возросла за это время примерно до 100 миллионов. Нашёлся в Вашингтоне какой-то человек, разыскавший наследников. Наталья Викторовна написала доверенность. «Вот если хоть что-нибудь получить, — писал Смирнов, — как бы я раздвинул рамки краеведной и музейной работы» (Смирнов, 1925). Скажем сразу, что всю полученную сумму пришлось отдать государству.

Вторым событием стало поступление дочери Смирнова Сони во ВХУТЕМАС. Как одна из лучших учениц она должна была получить командировку от школы. Но отношения М.И. Смирнова с местными властями были совершенно испорчены в борьбе за земельные участки переданных музею закрытых монастырей. Так что заведующий уездным отделом образования, явившись на педсовет, забраковал Соню как дочь Смирнова. Отцу пришлось выхлопотать ей командировку от секции московских научных работников. При приёме был страшный отсев. Но Соня прошла второй по списку. И писала домой: «Нет лучше ВУЗа в мире, как наш ВХУТЕМАС...» (Там же).

А третьим событием был юбилей Смирнова — 25 лет его краеведческой деятельности. Уездный исполком вынес постановление о том, что не может

взять на себя инициативу по организации юбилея, так как Смирнов «в общественной работе никакого участия не принимает». Уездное профсоюзное бюро постановило: «От посылки представителей воздержаться в виду того, что научная деятельность тов. Смирнова не известна». И был даже издан приказ, чтобы никто не смел являться на юбилей под страхом увольнения. Но приехали гости из Ленинграда от Центрального бюро краеведения, несколько человек из Москвы от Главнауки и других учреждений и организаций, краеведы из Ярославля, Костромы, Ростова, Дмитрова, Сергиева и других городов.

Д.О. Святский от Центрального бюро краеведения (далее — ЦБК) прочитал послание, подписанное академиком С.Ф. Ольденбургом: «ЦБК с глубоким интересом и вниманием следило и следит за Вашей краеведческой деятельностью в Переславщине. Исходя из талантливой семьи, давшей русской науке несколько полезных деятелей, имея солидную научную подготовку, принялись Вы за дело краеведения с большой любовью к своему родному краю, болея его нуждами, но в то же время открывая неистощимые источники его богатства; сознавая, что в краеведении верный путь к поднятию производительных сил страны, по которому она должна выйти из тяжелого положения к лучшей жизни, из темноты, к свету. Ваши многочисленные учёные работы о Переславщине, по справедливому отзыву специалистов, представляют собой “выдающееся явление в области краеведения”. Вами в 1918 году был собран и организован местный музей. При Вашем энергичном участии открыто местное научно-просветительное общество, издавался целый ряд сочинений по изучению Переславщины, природы и производительных сил.

Знаменитый когда-то как столица удельного княжества Переславль-Залесский, пришедший потом в упадок, безвестный уездный город, теперь снова становится широко известным в своём прошлом и настоящем, благодаря своему богатому и благоустроенному Музею и Научно-просветительному

обществу, работающему с примерной энергией и добросовестностью с большим успехом» (Там же).

От московского отделения ЦБК и Центрального музея народоведения выступал Б.М. Соколов, сказавший в частности: «Анализ наших краеведных учреждений показывает, что они создавались при наличии живого, энергичного и преданного делу инициатора и вдохновителя, горячо преданного делу изучения местного края» (Там же). Было немало ещё выступлений, в которых отмечались заслуги Смирнова в области собирания переславского фольклора, в деле охраны памятников. Было прочитано и письмо А.А. Спицына: «Высоко ценю дарования М.И. Смирнова, много более значительные, чем он сам о них думает. Высоко ценю его практическую дальноркость, которая могла бы иметь более широкий размах. Считаю единственными, образцовыми и лучшими краеведческими работами его труды: “Переславщину” и “Переславский уезд“» (Смирнов, 1921; 1922 а). Очень ценю его историческую монографию о литейном деле в старой Руси. Как археолог, обрадован и удивлён его счастливой находке двух богатейших стоянок Каменного века в окрестностях Переславля, обнаруженных не случайно, а путём применения определённого краеведческого приёма» (Смирнов, 1925).

Было много приветствий со стороны научных учреждений, краеведческих обществ, музеев, отдельных лиц. Но юбиляра и всех присутствовавших удивило, что на празднование не явился Пришвин, сославшись впоследствии на то, что будто бы ездил на волчью облаву, которой, как позже выяснилось, не было.

Вскоре Смирнов и Пришвин встретились. Это произошло в музее на праздновании Нового года (1926-го). Смирнов разнёс пришвинские «Родники Берендея», сказав, что выведенные им лица представлены карикатурно (Смирнов, 1926б). Указал, что, с точки зрения этической, это некрасиво, а с точки зрения краеведческой — неправильно. Пришвин этого не простил и перестал при встречах кланяться.

А Смирнов продолжал свою работу, побывал на сессии ЦБК в Москве, зимой ездил по сёлам, объехав добрую половину уезда, для осмотра памятников старины в церквях и часовнях. Находил древние иконы, деревянную скульптуру, ткани и т. п. А как начал таять снег, взялся за сад. Заложил он большой сад на территории музея ещё с осени. Благо попался ему бывший сапёр, у которого оказалась мотыга, употребляемая в каменноугольных копях. Он и надолбил две сотни ям под будущие посадки. В Никольском монастыре Переславля яблони были посажены так густо, что необходимо было их проредить. Оттуда и привезли 25 больших яблонь. А из Козлова, от И.Я. Мичурина, было выписано около сотни молодых яблонь и груш, из Владимира — вишен. Посадка началась 30 апреля 1926 года. Эту дату Смирнов отметил как начало большого дела в переславском крае, весьма бедном садами. Осенью того же года он ещё съездил в Суздаль за грушами, сливами, вишнями и пр. Привёз их перед самыми заморозками и прикопал на зиму.

Летом 1926 года, как обычно, Смирнов занимался археологическими разведками и раскопками: совершил пешую экскурсию на Берендеево болото, попутно смотрел торфоразработки и послал потом туда Геммельмана с ботаниками, чтобы собрать для музея экспонаты. Тем же летом, получив, как и в прошлом году, открытый лист от РАИМК, он копал в окрестностях Переславля и нашёл в Грочковских курганах железные топоры, горшки, браслет и два наплечных знака вместе с частью одежды: у одного меховой, у другого лыковой. Посетил Смирнов также неолитические стоянки на реке Вексе и на озере Сомине. Во времена неолита местность была настолько обжита, что ребята приносили в музей черепки с ямочным орнаментом и кости, найденные ими в самом Переславле, на Трубеже.

Между тем нападки на Смирнова, жалобы на него, разбирательства по жалобам, угрозы увольнения продолжались. И тут, чтобы укрепить своё положение, он предпринял такой шаг: решил заказать большую картину

А. Ганшина» и поместить её в музей. Дело в том, что ходили слухи, будто бы вождь жил некоторое время в этой усадьбе Переславского уезда. Смирнов предложил написать картину Д.А. Кардовскому, который как раз приехал тогда из Петрограда на родину, в Переславль. И отправился с ним и с фотографом в Горки. Из воспоминаний Смирнова: «Там, нужно сказать, я был осенью предшествовавшего года. В доме проживал сын владельца Ганшин, парк был в полной сохранности. Приехав туда, мы нашли другую картину. Дом как-то осунулся. В нём жил крестьянин. От парка — жалкие остатки: оказывается Берендеевский ВИК разрешил вырубать его. Любопытно, что зимой в нём жил другой крестьянин. Он два раза попадался на изготовлении самогона, который варил в этом историческом доме. На закопчённой исторической печке в комнате, соседней с той, где тайно печаталась книга Ленина «Что такое друзья народа, и как они воюют против социал-демократов», пальцем было начертано слово из трёх букв. Художник сделал несколько нужных ему зарисовок, а я с фотографом ходил по различным углам и сделал несколько снимков. Кроме того, расспрашивал бывшего учителя села Петрищево о А.А. Ганшине и Ленине. Из его слов и сына первого выходило, что В.И. бывал здесь в революцию» (Смирнов, 1926). В дальнейшем, из разговора с бывшим владельцем усадьбы, который к тому времени служил техническим директором на одной из фабрик, выяснилось, что Ленин был два-три раза в Горках в 1894 году.

Недели за три Кардовский написал картину на фанере в два тона. Её поместили в музей вместе с фотографиями деревни и усадьбы и торжественно открыли Ленинский уголок. На открытии присутствовали местные власти. Смирнов даже организовал музыку и чай с яблоками из сада Никитского монастыря и печеньем «для “смычки” с товарищами. Какой-то остряк сказал ему потом наедине, указывая на картину: «С этим чудотворным образом теперь Вам нечего бояться...» (Там же).

Поздней осенью Смирнов был вызван в Ленинград для дежурства в ЦБК. Воспользовавшись этим, он выбрал в государственном художественном фонде материалы для Петровской комнаты музея: гравюры петровских судов, портрет Петра I и пр., а в Русском музее картины для пополнения музейного собрания. П.И. Нерадовский, заведующий художественным отделом, отобрал для Переславля ряд картин, в том числе работы А. Бенуа, К. Юона, К. Коровина, П. Петровичева.

В этот приезд Смирнов в поисках материалов по родному краю успел поработать и в Археографической Комиссии при Академии наук, и в Публичной библиотеке, радуясь тому, что там можно было сидеть до 10 вечера. И, конечно, посетил множество музеев. «Откровенно говоря, переутомился и был подавлен колоссальными размерами и материалом. Мы со своими захолустными музеями как мухи перед слонами. Там есть чему поучиться, там есть высшее знание и средства, а мы не имеем ни того, ни другого, но зато любим свой край <...>. И ведь у нас всё-таки что-то выходит», — писал он (Там же).

В Ленинград Смирнов привёз текст статьи «Краеведная беллетристика», в которой подверг критике книгу Пришвина «Родники Берендея». Но друзья Смирнова Д.О. Святский и А.А. Спицын отсоветовали печатать статью. А.А. Спицын его поразил своим (явно пристрастным — Сост.) взглядом на Пришвина. Археолог «сразу понял его как хищника и холодно ответил на заискивания», — вспоминал Смирнов (Там же). Статью Смирнов передал Н.П. Анциферову, и тот использовал её в своей статье «Беллетристы и краеведы» (Анциферов, 1927. С. 31–46)².

---

² Недавно вышла книга И.Н. Ершова, в которой автор подробно изложил события жизни М.М. Пришвина в Переславле в 1924–1925 гг., опираясь только на свидетельства писателя, см.: *Ершов*, 2012. С. 123–140, 142, 147, 151–154, 158, 160–164. Между тем статья Н.П. Анциферова (как, впрочем, и некоторые другие источники, «не замеченные» И.Н. Ершовым), даёт возможность взглянуть на конфликт между М.И. Смирновым и М.М. Пришвиным не столь односторонне.

В 1928 году состоялась первая Переславская конференция по изучению производительных сил. Тут, кажется, впервые наметились нелады среди сотрудников музея. Двое из них, по словам Смирнова, постарались оттеснить его от организации конференции. Далее возникли споры о расходовании денег, выданных Владимирским губкомом на печатание трудов Переславль-Залесского научно-просветительского общества (далее — Пезанпроб).

Об издательской деятельности Смирнова необходимо сказать особо. Пезанпроб был создан ещё 30 марта 1919 г. Смирнов писал: «Мне думалось, что эта сторона дела прочнее и долговечнее музейной работы. Любой отдел музея, любую экспозицию можно уничтожить. Но напечатанное, хотя бы в ограниченном количестве, всё же останется где-то по научным библиотекам и будет существовать, пока не обратится в труху бумага. Ему будет дана надлежащая оценка истории» (Смирнов, 1929 а).

Он считал своей основной общественной работой именно эту деятельность. Ни одной копейки за свои изданные труды он не брал и брать считал грехом. «То был подарок моей родине, отплата за радость и счастье бытия» (Там же). И свои работы он печатал только тогда, когда не было других. Всегда отдавал предпочтение другим авторам.

Жить среди всех этих неприятностей Смирнову придавал силы сам Переславль. Он писал, что вид города в любое время года, в любые часы дня неизменно возбуждал в нём сильное ощущение прожитых веков. Сознание того, что все это сокровище прошлого находится на его ответственном хранении, возбуждало смешанное чувство и гордости, и радости, давало силу и уверенность. «Многое прощалось ради этого», — писал он (Там же).

В 1929 г. Смирнов был удостоен малой серебряной медали Государственного географического общества за совокупность этнографических работ (Смирнов. 1922 б. С. 5–151; 1922 в. С. 11–98; 1923. С. 22–26; 1927. С. 1–68; 1929 б. С. 93–97; 1929 в. С. 172–173).

Арест краеведа произошёл 22 января 1930 года. Но тогда, видимо, удалось отместить обвинения. Всё же пришлось уволиться из музея, передав дела выдвиженцу, рабочему текстильной фабрики К.И. Иванову, и покинуть Переславль. Во время отпуска нашёл новое место работы — музей-усадьбу «Коломенское». Очевидно, он ещё не почувствовал, что идёт наступление на краеведение по всей стране. Там был снова арестован, уже вместе с женой. Приговор ОСО при Коллегии ОГПУ по ст. 58–10 28 февраля 1931 года: административная высылка в Западную Сибирь на три года «за неправильную постановку музейно-краеведной работы».

Этому предшествовали месяцы тюремного заключения. Часть их он провёл в одиночке Владимирской тюрьмы, часть — в подвале тюрьмы в Иванове. Выжить помогли передачи и посылки от Лидии Сергеевны Кितिцыной (жены брата — краеведа Василия Ивановича Смирнова, тоже арестованного в то время (Якушкина, 2003. С. 363–370; Смирнов, 2011)). Уже после приговора, ожидая отправки по этапу, он писал Кितिцыной, что «получил посылку в такой именно момент, когда нуждался очень и горевал» (Смирнов, письмо от 26. 03. 1931)³. Надеялся, что возьмут в госпиталь, и там он сможет поправиться на усиленном питании. Но попал не в госпиталь, а в Сибирь. Путь занял целый месяц. «Живу теперь близ реки Оби на её притоке Кеми, верстах в 400 ниже Томска и не доезжая до Нарыма вёрст 120. Это сравнительно большое село Тогур, в 8 верстах от г. Колпашово, где сосредоточены все учреждения района» (Смирнов, письмо от 10.06.1931). «Года два тому назад здесь можно было прожить очень дёшево и без труда. Теперь всё кооперируется и накануне коллективизации, поэтому ничего нет для свободной продажи. Жить поэтому крайне трудно. На деньги почти не продают. Службу, которая даёт право на паёк, найти и получить

---

³ Это и другие упоминаемые ниже письма М.И. Смирнова брату В.И. Смирнову хранятся в ОПИ ГИМ Ф. 547, остальные письма в Ф. 191. Цитаты даны по ксерокопиям из архива автора и потому не указываются номера дел и листов.

крайне трудно. Пробовал в нескольких местах, но ничего не вышло. Хлеб добываю путём мены белья, ибо другого выхода нет, до тех пор, пока не получу денег или других вещей. Задолжал другим ссыльным», — писал он жене (Смирнов, письмо от 5.06.1931).

Смирнов был признан инвалидом III группы, но это давало право на получение только 7 кг муки. Остальное надо было покупать, а ещё платить за угол в крестьянском доме. Он голодал. Потом всё же нашёл работу плановиком-статистиком. Правда, приходилось ходить для этого в районный центр каждый день за 6 километров на больных, опухших ногах. Но вскоре учреждение, где он служил, было ликвидировано. Снова безработица. Неработающим ссыльным в кооперативе ничего не продавали. Да почти ничего и не было в продаже. И покупка чугунок у кого-то из отъезжавших, становилась событием. Потом удалось устроиться в сельхозартели счетоводом, и на какое-то время стало полегче. Но прожить без денежных переводов и посылок было невозможно. А они часто задерживались, а то и вовсе не доходили. Ожидание посылки с одеялом растянулось больше чем на год. И мучило, что жена и дети отрывают от себя, сами нуждаясь. «Не думал я быть в тягость детям и быть на их содержании, когда у них так мало для себя» (Смирнов, письмо от 25. 09. 1931).

Трескучие морозы и неистовые бураны, бытовые трудности, тёмные вечера из-за недостатка керосина, отрыв от родных, письма от которых шли так долго — всё это угнетало. Утомляла тупая работа («превратился в арифмометр»). Огорчало то, что вещи его и в Переславле, и в Коломенском раскрадены. И ещё очень беспокоила судьба книг и рукописей. Он неоднократно пытался их вернуть из ОГПУ. Хотелось привести в порядок, чтобы передать рукописи в московское хранилище, а книги в центральную библиотеку. Беспокоила и судьба Переславского музея, о котором доходили нерадостные слухи.

Хотя все известные краеведы были уже на Севере страны или в Сибири, но в печати поход против них продолжался. Так, в 1932 году в журнале «Советское краеведение» была опубликована статья, о которой Смирнов писал брату Василию Ивановичу: «Бьют лежачего. Прочёл творение некого В.Т. «За большевистскую бдительность». Я не узнал себя как в части биографии, так и в остальном. Все пути-дороги после такого заказаны безнадежно. Работать не дадут. Жить нечем и незачем» (Смирнов, письмо от 14. 07. 1931).

Порой он признавался, что «нет времени ни для чтения, ни для писания» (Смирнов, письмо от октября 1931). Невозможно было достать бумаги, чернил. Несмотря ни на что, он пытался продолжить писать очерки о Переславском крае, начатые ещё во Владимире, в одиночке. Однако пришлось прекратить «ибо попал в цензуру» (Смирнов, письмо от 13. 10. 1931). Находил в себе силы радоваться, когда удалось послать родным посылку с кедровыми орехами. Старался выжить. А весной 1933 года посадил огород.

Наталья Викторовна, жена Михаила Ивановича, получила так называемый «минус», то есть запрещение жить в ряде мест, и выбрала местом жительства Полтаву, где у неё были родные. Муж очень беспокоился о ней: «Мне грустно стало за тебя, что предстоит тебе холодная и голодная зима. Родная моя, переживём как-нибудь её вдали друг от друга и будем ждать встречи с тобой весной» (Смирнов, письмо от 7.01.1931). Разлуку с женой Смирнов переживал очень тяжело. Но нужно было получить разрешение на переезд её в Нарымский край.хлопоты об этом продолжались больше года. А когда разрешение, наконец, было получено, выехать не удалось: здоровье дочери Сони настолько ухудшилось, что она нуждалась в материнском уходе. Соня окончила ВХУТЕМАС, вышла замуж за художника Порфирия Никитича Крылова, входившего в группу Кукрыниксов. Но полученный ещё в детстве ревматизм обострился. Она долго и тяжело болела. В 1931 году у нее родился сын Андрей. Лечение не помогло. Она скончалась 21 января 1933 г.

«Только приезжай, мой единственный друг, — писал Смирнов жене — Вдвоём нам поваднее будет нести бремя нашего горя. Жду тебя, жду постоянно, а время так тянется и ползёт невыносимо медленно (Смирнов, письмо от 25.02.1933). С навигацией 1933 г. Наталья Викторовна смогла, наконец, приехать в Тогур.

Вернувшись из ссылки, Смирнов работал по договору в издательстве «Academia»: готовил монографию о Переславле-Залесском для задуманной М. Горьким, но так и неосуществлённой серии «История городов России». А в 1935 сделал в музее «Коломенское» по договору выставку «Царская соколиная охота XVII века». Написал несколько работ о Коломенском.

В конце 1936 г. его пригласили в Загорский историко-художественный музей на должность старшего научного сотрудника. И с 15 января 1937 он приступил к работе на новом месте. Директор музея, признавшийся, что сам он в музейном деле ничего не понимает, уговорил Смирнова стать его заместителем по научной работе. Ознакомившись с музеем, тот нашёл ошибки в экспозиции и писал о своей надежде их исправить: «Из НКП музей перечислен в Комитет по делам искусств. Возлагаю надежду на Керженцева, так громко заступившегося за наших богатырей. Может быть, удастся при его помощи обелить Сергия Радонежского, заплёванного самым грубым образом» (Смирнов, письмо от 17.01.1937). Речь идёт о поставленной в 1936 г. в Камерном театре опере-фарсе «Богатыри», либретто которой написал Демьян Бедный. В ней издевательски изображалось крещение Руси, охаивались русские богатыри. Вскоре по Постановлению Политбюро ЦК ВКП (б) спектакль был снят с репертуара. При этом П.М. Керженцеву, председателю Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР, было предложено написать об этом в газету. 15 ноября 1936-го в «Правде» появилась его статья «Фальсификация народного прошлого». Как раз во второй половине 1930-х гг., в преддверии войны, изменилась политика. И Сталин сделал ставку уже не на мировую революцию, а на патриотизм народа в будущей войне.

Смирнов выступил с докладом о Сергии Радонежском на Учёном совете музея. Выступление частью сотрудников было «принято в штыки». Тут же в местной газете появилась заметка, автор которой утверждал: «Смирнов дошёл до такой наглости, что на Учёном совете выступил с докладом, превозносящим Радонежского ”чудотворца” Сергия. Воздавая “чудотворцу” хвалу и честь, “учёный муж” зашёл очень далеко и, боясь, как бы чего не вышло, сразу после доклада уничтожил свои тезисы» (Волков, 1927). Последнее было ложью. Вспомнил автор заметки и то, что Смирнов является бывшим воспитанником Вифанской духовной семинарии и не так давно отбывал заключение. Масла в огонь подлила статья одной из сотрудниц музея, опубликованная в «Рабочей Москве» (Кнайская, 1937). В статье говорилось о том, что экспозиции музея построены «согласно антиисторической схеме Покровского, которую поддерживали и ”развивали” проникшие в ряды историков враги народа — троцкисты». Автор также полагала недостаточной антирелигиозную направленность музея, утверждала, что посетителям пытаются внушить враждебные марксизму-ленинизму взгляды, и призывала партийные органы немедленно вмешаться и оздоровить музей.

«Оздоровление» выразилось в том, что четверых сотрудников, в том числе и Смирнова, и директора, уволили, а музей закрыли на реэкспозицию. Надо отдать справедливость директору Яковлеву, не побоявшемуся дать Смирнову справку, что тот, «несмотря на короткий период времени его работы при Музее, проявил себя как честный и добросовестный работник с большой инициативой, вполне соответствующий возложенным на него обязанностям». Но уволен он был с формулировкой: «за уничтожение тезисов о фигуре и личности Сергия Радонежского, что по существу является уничтожением документа, разоблачающего его (Смирнова) как человека, не порвавшего со своим старым прошлым, враждебным нашему Советскому строю». Смирнов обращался в суд с жалобой на незаконность такой формулировки. По решению суда через полгода был подписан новый приказ, формулировка изменена, но

доводить разбирательство до Московского областного суда Смирнов не стал, отказавшись от дальнейшей волокиты. Таким образом, оказался без пенсии. Сразу после увольнения комендант потребовал освободить квартиру (в здании Митрополичьих покоев), и её тут же занял новый директор. В результате Смирнов остался и без жилья. В дальнейшем он продолжил работу над темой «Сергий Радонежский. Легенды и были». Закончил текст в 1939 г. До сих пор она остаётся не опубликованной (Вишневский, 1993. С. 18–20).

После увольнения из Загорского музея Смирнов с женой жил под Москвой в посёлках по Рязанской железной дороге близ станций Томилино и Малаховка. 17 ноября 1941 г. умер их сын Всеволод. В дневнике Смирнов записал: «Он был единственной опорой нашей жизни. Зачем живём теперь мы, старики, осиротелые, бездетные и никому ненужные?! Зажились. Долголетие тоже наказание, как ясно из нашего примера» (Смирнов, 1997. С. 330). Жить стало очень голодно. Престарелый краевед писал в дневнике: «Настроение поганое: всё хочется есть. Чувствую, как слабеют силы, и старость завладевает мною, не шутя. За мороженую жратву приходится отдавать последние сбережения. Всё должно кончиться медленным умиранием, т. е. худшим видом смерти» (Там же. С. 329. Запись от 20–21. 02. 1942). Смерть сына позволила получать пенсию по потере кормильца. Но её было недостаточно, чтобы выжить. Он стал работать книгоношей, продавая детские книжки и игры от Кассы взаимопомощи пенсионеров научных работников, как один из нуждающихся её членов. «Книжки в сущности расходились быстро, но возить их в Малаховку было очень тяжело и тяжело было через день ездить в Москву за хлебом и др. продуктами» (Жогин, 2009. С. 19). Потом он устроился на временную работу счетоводом в колхоз, но пришлось обращаться в суд, чтобы получить заработанные овощи. Тяжело было носить воду, пилить и колоть дрова, копать огород. Здоровье становилось всё хуже. И Смирнов начал хлопоты по устройству его с женой в дом инвалидов.

В то же время он пытался издать свои труды, в том числе и книгу о Сергии Радонежском. И ещё взялся консультировать писателя С.П. Бородина, автора романа «Дмитрий Донской», получившего Сталинскую премию, когда тот работал над романом «Андрей Рублёв». Писатель, видимо, и помог престарелому краеведу устроиться в дом инвалидов под Коломной. В 1943 г. супруги получили места в Черкизовском инвалидном доме повышенного типа в Коломенском районе Московской области. Немного позже Смирновых перевели в другой инвалидный дом в пригороде Коломны. И в этот период жизни Смирнов не прекратил занятия краеведением. Он вошёл в Музейно-Краеведческий совет. Работал над историей Коломны и окрестностей, в том числе сёл Черкизово и Мячково, участвовал в подготовке путеводителя по Коломне. Продолжал заниматься и историей родных мест. Закончил переработку своей большой работы «На Клещине озере. От варварства до социализма».

В начале 1948 г. директор Переславского музея К.И. Иванов прислал ему приглашение на работу в музей, предлагая должность заведующего отделом истории и обещая бесплатную квартиру с отоплением и освещением (Там же. С. 42–43). Но Смирнову шёл уже 80-й год. Условия в инвалидном доме были неплохие. И он не решился коренным образом менять жизнь.

Скончался Михаил Иванович Смирнов 2 ноября 1949 года.

Значительная часть архива М.И. Смирнова была передана в ОПИ ГИМ (Ф. 191) им самим. Некоторые материалы хранились в нашей семье моей матерью — Л.С. Кितिцной, и впоследствии были сданы в то же хранилище (Ф. 191 и Ф. 547). Часть документов М.И. Смирнова была передана его вдовой Н.В. Смирновой в ОР ГБЛ, откуда они также поступили в ОПИ ГИМ (Ф. 191). А те документы, что были сданы ею в Отдел редкой книги Государственной публичной исторической библиотеки, переданы потом в Государственный архив Ярославской области (Фонд Р-913) (Филимонов, 1971. С. 318–324). К

сожалению, как уже отмечалось, почти ничего из рукописного наследия краеведа пока не издано.

Литература

Анциферов Н.П., 1927. Беллетристы-краеведы (Вопрос о связи краеведения с художественной литературой) // Краеведение. № 1.

Вишневский В.И., 1993. М.И. Смирнов — автор исследования о Сергии Радонежском // Научная конференция, посвящённая 125-летию со дня рождения Михаила Ивановича Смирнова: Тезисы докладов. Переславль-Залесский.

Волков В., 1937. Руководители музея проглядели врагов народа // «Вперёд» (загорская газета) 08.07.1937.

Ершов И.Н., 2012. Михаил Пришвин и российская археология. М.

Жогин И.В., 2009. Научная и общественная деятельность историка М.И. Смирнова в Коломенском крае (1943–1949 гг.) // Дипломная работа / РГГУ.

Кнайская Т., 1937. Клевета на прошлое русского народа // Рабочая Москва. № 197. 28.08.1937.

Пришвин М.М., 1925. Родники Берендея. Из записок фенолога с биостанции Ботик // Красная новь. № 8.

Смирнов В.И., 2011. Народ в тюрьме. (1930–1931). Материалы для биографии В.И. Смирнова (1882–1941) / сост. Т.В. Смирнова. Сергиев Посад.

Смирнов М.И., 1900. Владимирские уроженцы — воспитанники Вифанской духовной семинарии. 1797–1897 гг. // Владимирские епархиальные ведомости.

Смирнов М.И., 1908а. Село Большая Брембола // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. Владимир. Кн. IX.

Смирнов М.И., 1908б. Справка о Переславской флотилии Петра I // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. Владимир. Кн. XII.

Смирнов М.И., 1911а. Переславские соколы помытчики // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. Владимир. Кн. XIII.

Смирнов М.И., 1911б. Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее. М.,

Смирнов М.И., 1921. Переславщина. Источники и материалы для краеведения, их систематизация и обзор // Доклады Пезанпроба. № 9.

Смирнов М.И., 1922а. Переславль-Залесский уезд. Краткий краеведный очерк // Доклады Пезанпроба. № 10.

Смирнов М.И., 1922б. Частушки Переславль-Залесского уезда // Отчёты по обследованию придорожных районов Сев. ж.д. М., Вып. 13.

Смирнов М.И., 1922в. Этнографические материалы по Переславль-Залесскому уезду Владимирской губернии. Свадебные обряды и песни. Песни круговые и проходные, игры. Легенды и сказки // Отчеты по обследованию придорожных районов Сев. ж.д. М., Вып. 14.

Смирнов М.И., 1923. Из этнографических записей по Переславль-Залесскому уезду // Доклады Пезанпроба. № 11.

Смирнов М.И., Б. м., б. г. На службе родному краю [с вступ. ст. зам. директора Переславль-Залесского музея В.И. Панфилова].

- Смирнов М.И.*, 1924. Записи конца 1924 г. Архив автора.
- Смирнов М.И.*, 1925. Воспоминания. Тетрадь 1925 г. Архив автора.
- Смирнов М.И.*, 1926а. По забытым путям Залесья (историко-этнографический очерк) // Доклады Пезанпроба. № 15.
- Смирнов М.И.*, 1926б. Воспоминания. Тетрадь 1926 г. Архив автора.
- Смирнов М.И.*, 1927. Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея. Вып. I.
- Смирнов М.И.*, 1929 а. Воспоминания. Тетрадь 1929 года. Архив автора.
- Смирнов М.И.*, 1929б. О типах крестьянских жилых построек Переславль-Залесского уезда // Культура и быт населения центральной промышленной области. М.
- Смирнов М.И.*, 1929в. Этнологическое изучение Переславль-Залесского уезда // Культура и быт населения центральной промышленной области. М.
- Смирнов М.И.* Письмо Л.С. Китицыной. 26.03.1931.
- Смирнов М.И.* Письмо Н.В. Смирновой 5.06.1931.
- Смирнов М.И.* Письмо В.И. Смирнову. 10.06. 1931.
- Смирнов М.И.* Письмо В.И. Смирнову. 25.09.1931.
- Смирнов М.И.* Письмо А.А. Золотарёву. Октябрь 1931.
- Смирнов М.И.* Письмо Н.В. Смирновой 7.10.1931.
- Смирнов М.И.* Письмо В.И. Смирнову 13.10.1931.
- Смирнов М.И.* Письмо В.И. Смирнову 14.07.1932
- Смирнов М.И.* Письмо Н.В. Смирновой 25.02.1933.
- Смирнов М.И.* Письмо В.И. Смирнову 17.01.1937.
- Смирнов Я.Е.*, 1997. Московский дневник М.И. Смирнова периода Великой Отечественной войны // Археографический ежегодник за 1997 год. М.,
- Филимонов С.Б.*, 1971. Обзор архива М.И. Смирнова // Археографический ежегодник за 1971 год. М.
- Якушкина М.М.*, 2003. Обзор фонда Василия Ивановича Смирнова // Труды ГИМ. М., Вып. 136.

Опубл.: Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелева. – Курск: Изд-во КГМУ, 2013. С. 397–412).